

The Trends of Interaction between Academic Science and Higher Education in Modern Conditions

ANATOLY M. ABLAZHEY

Head of the Laboratory for Sociology of Science and Education,
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: ablazhey63@gmail.com

The article describes the modern processes of interaction between academic science and higher education. Much attention is paid to the analysis of trends related to reform including the diversification of higher education network, highlighting the group's leading universities and academic research organizations. The author concludes that today exactly the leading universities initiated a sharp increase in the rate and depth of interaction, considering it as the key factor in its development.

Keywords: academic science, higher education, integration, federal and national research universities, efficiency, new trends.

МИХАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЛАЗАР

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук РГГМУ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mihai_lazar@mail.ru

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СТРЕЛЬЦОВА

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник
Института статистических исследований и экономики знаний,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
e-mail: kstreltsova@hse.ru

Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса

Раскрываются особенности грантовой системы финансирования науки России, структура и функционирование государственных грантовых фондов — РФФИ, РГНФ, РНФ. На базе проведенного в апреле 2014 года интернет-анкетирования ученых исследована роль грантов в жизни и карьере российских ученых, отношение ученых к грантам, мотивация к участию в грантовых конкурсах. Сформулирован ряд предложений по усовершенствованию системы научных фондов.

Ключевые слова: грант, грантовая система, экспертиза, РФФИ, РГНФ, РНФ, особенности российских фондов, анкетирование, мотивация грантовой активности.

Возникновение в 1992 году грантовой системы было для ученых России весьма полезным новшеством, поскольку до этого финансирование науки советское государство осуществляло через научные организации — АН СССР и отраслевые академии, Министерство высшего образования, отраслевые министерства. Оплата труда ученых (которая была несколько выше, чем средняя зарплата по стране) учитывала их должность в структуре института или вуза и наличие ученой степени. Надбавки существовали преимущественно в отраслевой науке и в оборонной промышленности, их размер зависел от личного вклада ученого, специалиста и определялся его непосредственным руководителем по лаборатории, отделу, конструкторскому бюро. Забота о материально-техническом оснащении отрасли науки была заботой руководства НИИ и государства в целом, а его уровень зависел от приоритетов государства. После распада СССР наступивший общий политический и социально-экономический кризис свел к минимуму (скорее к нулю) материально-техническое оснащение науки в стране, и зарплата ученых была снижена до минимального уровня. Поэтому появление в 1992 году зарубежных, а также российских государственных научных фондов, предоставляющих на конкурсной основе финансирование российским ученым, бесспорно, было спасением для российской науки. Но в первом десятилетии своего существования гранты, полученные от РФФИ российскими учеными, являлись не дополнительным стимулом научной деятельности, а способом «латания дыр», оставшихся после распределения скудного базового государственного финансирования науки и образования. Эту роль грантовое финансирование играет, на наш взгляд, и сегодня, в условиях экономического кризиса в стране.

В настоящее время грантовая система России, поддерживающая финансово научные исследования, включает разнообразные организации, которые делятся на три категории: а) фонды; б) государственные учреждения; в) коммерческие организации. К первой группе относятся государственные фонды: РФФИ, РГНФ, РНФ, Фонд содействия развития малых форм предприятий в научно-технической сфере и др., а также негосударственные: Фонд фундаментальных лингвистических исследований, Фонд некоммерческих программ «Династия», Фонд поддержки образования и науки («Алферовский фонд») и др. Ко второй категории относятся: Министерство образования и науки РФ, Правительство России, Президент РФ, администрации регионов и субъектов РФ, РАН и ее институты, университеты. К третьей категории российских грантодателей относятся отдельные грантовые программы и конкурсы компаний ТНК ВР, Газпрома, Сбербанка и др.

Зарубежные организации, дающие гранты в России, делятся также на государственные и негосударственные. К первым относятся такие, как Германская служба академических обменов (DAAD), Немецкое научное общество, Японское общество содействия науки и др. К зарубежным негосударственным фондам относятся Институт «Открытое общество» (фонд Сороса), «Фонд Макартуров», (кроме Сороса), «Фонд Форда», «Фонд Карнеги», «Фонд Эберта» и др.

Для российского бизнеса регулярное предоставление исследовательских грантов не стало распространенной практикой. Проводимые отдельными компаниями конкурсы научных исследований (например, Газпромом) дают основание отнести их к системе *апостериорных наград*, так как победителями в этих конкурсах являются авторы уже проведенных исследований, признанных лучшими. Участвуют некоторые компании (например, «Лукойл», «Мегафон») и в финансировании проектов в области образования, гражданских инициатив, культуры, но в целом вовлеченность

российского бизнеса в различные формы поддержки науки пока крайне ограниченна. В результате ядро российской грантовой системы образуют, в первую очередь, отмеченные три государственных научных фонда — РФФИ, РГНФ, РНФ.

В 2010 году в России действовало около 150 организаций, предоставляющих гранты на научные исследования. Для сравнения отметим, что в 2013 году в Германии, по данным Ассоциации немецких фондов, насчитывалось свыше 1800 фондов, частных и государственных, финансирующих научные исследования. Бюджет только одного из них — Немецкого научного фонда — составляет около 2,5 млрд евро, а размер гранта — 1,5–2 млн евро (DFG, 2013).

Сравнивая структуру и функционирование грантовых систем в разных странах, можно констатировать, что они теснейшим образом связаны с особенностями экономической, политической, нравственной культуры своей страны, с преобладающим менталитетом населения. Как часть общества своей страны, научное сообщество не исключение. На наш взгляд, грантовая система России, находящаяся в стадии становления, отражает во многом экономическую, управленческую и нравственную культуру как прошлого, советского, общества, так и настоящего, находящегося еще в состоянии перехода от общества коллективистского типа к обществу неизвестного пока типа, именуемого в таком случае «постсоветским». В литературе встречаются такие его варианты: государственный, чиновнический, «дикий», гламурный капитализм. Поэтому организаторам грантовой системы, получившим образование не только в России, но и в западных странах, кажется, что грантовая система западных стран применима целиком и в России, ведь наука интернациональна. На деле, в рамках института науки, ученые, в любой роли — творца или управленца, являются носителями российской культуры, тем более что 63% докторов наук и 34,2% кандидатов наук от общего количества научных кадров России на конец 2013 года были старше 60 лет (Индикаторы, 2014: 48), а значит, являются продуктом прежнего общества.

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) появился в России в 1992 году по инициативе научного сообщества, поддержанной государством. При разработке его модели использовался опыт зарубежных фондов. Фонд многофункционален, то есть финансирует не только инициативные научные проекты, но и публикацию работ, переоборудование лабораторий и рабочих помещений, приобретение научной аппаратуры, посещение научных мероприятий и их организацию. Модель и организационная структура РФФИ, зафиксированные в Постановлении Правительства РФ № 113 от 13.02.2012 «Об уставе ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований», представляют собой вертикальную структуру, вершина которой в лице председателя Совета фонда утверждается Президентом РФ. Финансирование РФФИ научных исследований осуществляется в рамках 14 регулярных конкурсов по нескольким категориям программ: от инициативных, для молодых исследователей, для ведущих коллективов молодых ученых под руководством кандидатов или докторов наук, до региональных и международных конкурсов. Есть также «инфраструктурные» конкурсы (для обеспечения экспедиций, публикации научных работ, организации конференций на территории России, участия в академических мероприятиях за рубежом).

В 2013 году на конкурс «а» (поддержка фундаментальных исследований) было подано более 10 тыс. заявок, из них было поддержано 29,2%. Средний размер гранта постоянно растет, достигая в 2013 году более 500 тыс. рублей. Всего за время су-

существования фонда было рассмотрено свыше 330 тыс. заявок, из них инициативных — свыше 57 тыс., в которых участвовало более 270 тыс. исследователей, а в выполнении проектов, поддержанных РФФИ по всем конкурсам, — свыше 100 тыс. исследователей. По результатам исследований было опубликовано более 1 млн научных публикаций, в том числе свыше 440 тыс. журнальных статей.

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) существует 20 лет и оказывает поддержку таким социально-гуманитарным наукам, как история, археология, этнография, экономика, философия, социология, политология, правоведение, науковедение, филология, искусствоведение и др. Структура его органов, порядок назначения и утверждения на руководящие должности и распределение полномочий между органами управления фондом в целом аналогичны РФФИ (Семенов, 2007). Критерии оценки проектов весьма традиционны для процедуры рецензирования: соответствие проекта направлениям, поддерживаемым фондом; актуальность темы; степень новизны проекта; научная значимость ожидаемых результатов; уровень управления проектом; опыт участия и квалификация руководителя и исполнителей; наличие публикаций по тематике проекта; возрастной состав коллектива; участие аспирантов и студентов, зарубежных ученых; обоснованность объема финансирования для реализации проекта.

Третий государственный фонд — Российский научный фонд (РНФ) был создан по инициативе президента РФ в конце 2013 года. Его основная миссия — поддержка фундаментальных и поисковых исследований, а также развитие научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Руководящим органом РНФ является Попечительный совет, в который входят 15 человек (действительные члены РАН), во главе с председателем, назначенных сроком на 5 лет Президентом РФ, бывший и настоящий министры образования и науки РФ, депутаты Госдумы. Совет определяет стратегические направления развития фонда, утверждает порядок и критерии конкурсного отбора программ и проектов, проведения их экспертизы, перечень и состав экспертных советов.

Сравнивая структуру и деятельность этих фондов с аналогичными европейскими фондами, можно утверждать, что у российских фондов есть ряд особенностей, которые играют негативную роль в развитии науки. Это:

- асимметричное распределение грантов в пользу столицы (что является следствием концентрации в ней научных учреждений и научных кадров);
- подчиненное положение ученых, занятых в этой сфере, вышестоящим структурам (научная копия вертикали власти в стране);
- закрытый характер системы рецензирования (отсутствие возможности у членов научного сообщества участвовать в распределении ученых по позициям и должностям);
- невысокая численность экспертного пула и ненадежность процедуры распределения заявок между экспертами, основанной на формальных классификаторах;
- закрытый характер грантовой системы (научное сообщество не может оказывать влияние на стратегию развития главных научных фондов страны, поскольку отсутствуют механизмы включения представителей различных групп научного сообщества в определение стратегических целей и ориентиров развития грантовой системы);
- отсутствие прозрачности работы фондов (не предусмотрено уведомление участников конкурса о результатах рецензирования их заявок в случае отказа в поддержке заявки);

— небольшой размер гранта становится еще меньше в силу обязательства грантополучателей отчислить некоторую часть гранта в пользу организации, в которой выполняется проект.

С целью изучения роли грантов в жизни и карьере российских ученых Е. А. Стрельцовой в апреле 2014 года был проведен онлайн-опрос. Вопросы анкеты касались следующих проблем: 1) опыт участия респондента в грантовых конкурсах; 2) оценка работы российских научных фондов (РФФИ, РГНФ, РНФ); 3) факторы, влияющие на процесс распределения грантов; 4) значение грантов и научных фондов для развития российской науки. Вопросы последнего блока были в основном открытыми, а ответы на них носили оценочный характер.

Выборка представляется репрезентативной, так как анкеты были посланы 2350 ученым, по 10 человек в каждой из 235 организаций от общего перечня в 1732 организации исследовательского сектора и вузовского сектора науки. Представлены все 8 федеральных округов. Ответы получены от 561 респондента, процент отклика — 23,9%. Из них забракована 71 анкета, анализ осуществлялся по 490 анкетам.

Характеристика выборки: 58,6% — мужчины, 41,4% — женщины, 83% имеют научные степени, 14,7% на данный момент не имели научной степени, а по возрасту это молодые ученые до 29 лет. Большинство респондентов работают в РАН (53%), 50% — работают в вузах, а 139 человек, или 35%, работают одновременно в нескольких организациях, в основном в РАН и вузах. Опыт участия в грантовых конкурсах имеют 83% ответивших, 17% ни разу не подавали заявок и не участвовали в выполнении проектов.

В связи с выборкой остается открытым весьма интересный и важный вопрос, связанный с количеством полученных анкет: почему столь значительное число ученых, которым адресно были посланы анкеты, предпочли не ответить на них? Одно из предположений авторов состоит в том, что большинство не ответивших ни разу не подавали заявки на получение гранта, не видя в этом смысла, а если и подавали, то не получили поддержку и не видели смысла в том, чтобы потерять время и отвечать на присланную анкету. Другое предположение, возникшее на базе бесед авторов с коллегами, состоит в том, что в массе своей ученые не доверяют экспертам, видя в грантовой системе специфический научный «междусобойчик» по получению дополнительных доходов.

На грантовую активность ученых, как показали результаты опроса, влияют:

- а) сектор науки, в котором они работают (академии, вузы и т.п.);
- б) научная квалификация;
- в) регион проживания, работы.

После обработки полученной информации установлено, что среди академиков РАН более 90% принимали участие в грантовых конкурсах и лишь 70% работающих в вузах ученых обладают подобным опытом. Однако 70% респондентов за последние 5 лет не принимали участия в грантовых конкурсах ни российских негосударственных фондов, ни зарубежных организаций. Опыт большей части респондентов (71%) — умеренно успешный и лишь 12% получили грант во всех конкурсах, а 17% респондентов ни разу не получали грант, хотя и подавали заявку. Среди женщин-респондентов негативный опыт имеет почти одна треть, среди мужчин 86% получили гранты за последние 5 лет и лишь 14% имеют негативный опыт, что в два раза меньше, чем среди женщин.

Уровень научной квалификации, безусловно, также влияет на успешность участия в грантовых конкурсах: доля тех, кто имеет исключительно негативный опыт, для докторов наук составляет 13%, для кандидатов наук — 20%, для не имеющих научной степени — более 30%. Существенным оказалось различие в степени успешности участия для представителей различных областей наук: наибольший удельный вес тех, кто не сумел получить грант, несмотря на подачу заявок, для гуманитариев достиг почти 30%, в то время как для представителей других наук этот показатель колеблется в пределах от 10% (технические науки) до 19% (общественные науки).

Относительно **мотивации участия** респондентов в грантовых конкурсах анализ показал, что в настоящее время финансово-распределительная функция гранта для российского научного сообщества является доминирующей: более 65% респондентов указали, что принимают участие в конкурсах грантов, поскольку для них это дополнительный источник дохода. Данный вопрос в анкете является полузакрытым — респонденты имели возможность дополнить предложенный перечень, включив в него мотивы, которые были определяющими для них лично. В результате, описывая причины участия в грантовых конкурсах, некоторые респонденты отметили, что для них гранты являются не дополнительным, но основным источником дохода: «*На зарплате преподавателя невозможно прожить. Вариант — “чтобы не умереть с голоду”*» (анкета № 58), «*Это скорее основной источник дохода*» (анкета № 462), «*Хотя бы раз получить деньги за научную работу*» (анкета № 312) и др.

Анализ распределения ответов респондентов и их комментариев к данному вопросу показывает, что большинство исследователей вынуждены регулярно подавать грантовые заявки, чтобы обеспечить базовые условия для своей профессиональной деятельности и жизни. Гранты, таким образом, выполняют функции, которые традиционно возлагаются на систему базового финансирования и заполняют «пробелы», которые систематически остаются после распределения прямого (неконкурсного) финансирования научных исследований. В связи с этим считаем, что постулат «Получай гранты или исчезни!» (“Grant or perish!”) в полной мере описывает современную ситуацию в российском научном мире.

Несмотря на очевидное доминирование экономической составляющей как основного мотива грантовой активности российских ученых, треть респондентов отметили, что их участие в конкурсах научных фондов мотивировано стремлением получить подтверждение значимости своей работы и высокой квалификации. Это демонстрирует и символическую ценность исследовательских грантов как трансляторов признания в научном мире. При этом стоит отметить, что данная функция грантов является вторичной: лишь трое из 405 респондентов указали, что руководствовались исключительно стремлением получить подтверждение высокого качества выполняемой работы. Только 3% респондентов отметили, что участие в конкурсах научных фондов не отнимает у них много времени, причем большая часть из них — молодые ученые в возрасте до 29 лет. Значительная доля комментариев респондентов относится к «восполнению пробелов» базового финансирования и только десять ученых указали, что благодаря грантам они проводят исследования, не поддерживаемые из средств базового финансирования, но представляющие непосредственный интерес для них лично.

Относительно **оценки деятельности государственных научных фондов** опрос показал, что российские ученые чаще всего подают заявки на гранты крупнейших государственных научных фондов: 68% респондентов принимали участие в конкурсах РФФИ

за последние пять лет. В РГНФ подавало заявки почти вдвое меньше респондентов, хотя доля гуманитариев и обществоведов в выборке лишь незначительно уступает соответствующему показателю представителей естественных и технических наук. Анализ полученных данных демонстрирует, что появление РНФ вызвало в российском научном сообществе ажиотаж и привлекло внимание многих представителей различных научных отраслей. В 2014-м, в первом году функционирования РНФ, почти 40% респондентов подали заявки на участие в его конкурсах, причем в основном это ученые, имеющие опыт подготовки и подачи грантовых заявок в РФФИ и РГНФ. Только для шести респондентов из 156 конкурсы РНФ оказались первыми за последние пять лет, четверо из них участвуют в заявленных проектах в качестве исполнителей.

Деятельность РНФ получила довольно высокие оценки (средний балл — 0,8–0,9 пп.), причем количество ученых, которые затруднились ответить, не превышает 14%. Это позволяет утверждать, что организационная составляющая конкурсов поддерживается на высоком уровне, что было высоко оценено научным сообществом. При этом в анкетах все же было указано несколько замечаний к деятельности РНФ и организации его конкурсов: «*В РНФ очень много лишнего в форме, которая отображает сам проект*» (анкета № 428), «*Очень плохо проработаны условия подачи грантов РНФ: нет ни одного определения, что такое группа и что такое лаборатория*» (анкета № 383). Некоторые ученые отмечали «оторванность» РНФ от реалий российской науки, несоответствие грантовой политики Фонда потребностям современной науки: «*По поводу РНФ судить рано, но ясно, что число грантов очень мало. Необходимо было прежде провести рейтинговую оценку научных коллективов и оценить необходимое число грантов, а затем проводить этот конкурс. Возможно, размер грантов был бы меньшим, но большее число хорошо работающих групп могло бы быть профинансировано*» (анкета № 484).

Среди **факторов успеха** в получении грантов наиболее значимыми, с точки зрения респондентов, являются актуальность исследования и правильное оформление всех необходимых документов. Интересно, что в программных документах всех без исключения научных фондов, которые были изучены автором исследования, указано, что в ходе рецензирования оценивается не заявка (как документ), а исследовательский проект, то есть ключевым фактором для принятия решения о поддержке заявленного проекта являются содержательные критерии. Однако 56% респондентов отметили, что именно правильное оформление всех формальных документов, в том числе заявки, является залогом успеха в грантовых конкурсах, более трети ученых, принявших участие в исследовании, считают это самым значимым фактором. Об этом свидетельствуют и рекомендации респондентов по получению гранта: «*Правильный выбор темы заявки, четкость изложения заявки, аккуратность и грамотность оформления текста*» (анкета № 428), «*Заявка должна быть понятной эксперту*» (анкета № 366), «*Хорошо написанная заявка*» (анкета № 317) и др. К другим значимым факторам респонденты отнесли а) достигнутые научные результаты руководителя проекта, б) его известность в научном сообществе («*Распределение грантов происходит под имя, а не по теме*» (анкета № 409)), в) выбор темы исследования в соответствии со спецификой научного фонда. Значительно менее высокие оценки получили те факторы, которые традиционно ассоциируются с «теневыми» механизмами распределения грантов: наличие личных знакомств с экспертами фонда, престижность организации, в которой работает грантозаявитель, занятие высоких должностей, регион проживания. Значимость последнего фактора в большей сте-

пени признают ученые из регионов страны: среди исследователей Центрального и Северо-Западного федеральных округов доля респондентов, указавших, что место проживания ученого оказывает влияние на успешность его участия в грантовых конкурсах, существенно ниже, чем в других округах. Уверенность во влиянии подобных «теневых» механизмов не коррелирует с грантовым опытом респондентов.

Ученым также было предложено **сформулировать практические рекомендации**, которые они могли бы дать исследователю, планирующему принять участие в конкурсе. Все полученные открытые ответы ученых были распределены по категориям и маркированы. Наиболее популярными являются рекомендации, относящиеся к оформлению заявки, ее форме и содержанию: *«Внимательно читать документацию, следовать требованиям»* (анкета № 156), *«Пишите кратко и емко. К заявке не должно быть формальных претензий»* (анкета № 167) и др. Многие респонденты указывают на необходимость выбора «правильной темы», причем значение здесь имеют не только ее актуальность и новизна, но и соответствие установленным приоритетам, научной моде: *«Важность темы исследований для региона»* (анкета № 301), *«Попасть в модную тему. Увы»* (анкета № 146) и др. Лишь отдельные участники исследования отмечали необходимость ориентации на собственные научные планы и интересы: *«Подавайте заявку на грант, тема которой Вам интересна»* (анкета № 182).

Значительное внимание респонденты уделяют наличию публикаций по теме проекта у руководителя и остальных участников проекта: *«Публиковать ежегодно по 20 статей в Nature»* (анкета № 383), *«Иметь интересные результаты и публиковать их в высокорейтинговых мировых изданиях»* (анкета № 108) и др. Не менее важным представляется выполненная работа, имеющийся уже на этапе подачи грантовой заявки научный задел для реализации исследования: *«Большая часть работы должна быть сделана!»* (анкета № 411), *«Заявляемая работа должна быть уже частично выполнена, с публикацией на подходе»* (анкета № 146) и др.

Среди рекомендаций часто встречаются комментарии, которые носят скорее характер пожеланий, наставлений: много работать, развиваться, поддерживать свою квалификацию. Многие респонденты также отмечали необходимость следовать рациональному подходу при формировании коллектива для выполнения проектов, включать в него — хотя бы фиктивно — молодых исследователей.

Не меньшее число ученых обратили внимание на необходимость поддерживать высокую грантовую активность, постоянного участия в грантовых конкурсах, что существенно повышает шансы получить грант и позволяет накопить опыт, который может быть использован в будущем: *«Первоначально полезно побывать “на побегушках” у старших опытных товарищей, посмотреть кухню изнутри. А затем систематически подавать везде, где возможно, рано или поздно количество перейдет в качество. “Пилите, Шура, пилите”»* (анкета № 292), *«Нужно не бояться и пробовать. Не отчаиваться, если был отказ, и продолжать участвовать в конкурсах на следующий год, плюс искать другие организации, которые могут заинтересоваться темой»* (анкета № 476) и др.

Оценивая **роль грантов для индивидуальной научной деятельности** ученых, 80 % из 405 респондентов, которые принимали участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет, считают, что гранты способствуют повышению эффективности их научной деятельности. Эта, безусловно, высокая оценка роли грантов должна быть дополнена изучением аргументации, которая показывает, что значительная доля респондентов уверены в высокой значимости грантов в силу того, что это

практически единственный источник финансирования научных исследований, источник роста зарплаты ученых, обновления материальной базы.

Немногим более 10% респондентов отметили, что гранты не оказывают положительного влияния на их научную деятельность. Такая позиция никак не коррелирует с грантовым опытом респондентов, не удалось обнаружить и ее связь с социально-демографическими характеристиками ученых. При этом доля респондентов, отметивших данный вариант ответа, несколько выше среди исследователей, которые не имели опыта руководства проектами в течение последних пяти лет и выступали исключительно в роли исполнителя.

В отношении **влияния грантов на достижение российскими учеными новых значимых научных результатов** удельный вес респондентов, положительно оценивших роль грантов, составил 63%. При расчете данного показателя учитывались ответы ученых, имеющих опыт участия в грантовых конкурсах, а также тех, кто ни разу не подавал грантовые заявки. Респонденты указывают различные причины позитивного влияния грантов на развитие науки: для некоторых оно обусловлено материальными ресурсами, которые предоставляют гранты: *«Гранты позволяют не отвлекаться на пополнение семейного бюджета за счет подработок»* (анкета № 346). Для других гранты — это стимул для переоценки своих достижений, для апробации результатов и их презентации научному сообществу: *«Любой повод взглянуть на свои исследования с новой стороны полезен, здесь начинаются и креативность научного подхода, и новые возможности реализации целей и задач»* (анкета № 338).

Из опрошенных лишь 15% отрицают влияние грантовой системы на достижение российскими учеными новых значимых научных результатов. Этот в целом невысокий показатель не отражает в полной мере сложность суждений ученых об исследовательских грантах. Многие из тех, кто высказал согласие с позитивным влиянием грантов, отметили существование некоторых противоречий и ограничений, например: *«Это зависит от политики фонда. Не уверен, что мнение экспертов 1) свободно от давления, 2) компетентно. Просматривая научные статьи, иногда удивляюсь, как это фонд выделил деньги на такую тему. Достаточно просто посмотреть на список работ 5–6-летней давности, изданных за счет фонда и задать вопрос: ну, и где теперь эти ученые?»* (анкета № 23); *«Да (способствуют), но не сильно. Основу составляет базовый бюджет, который дает фундамент для всех результатов. Грантовая система позволяет на этом фоне поддерживать наиболее активные (и удачливые) группы. Если убрать базовый бюджет, то отдельно стоящая грантовая система нежизнеспособна. Поэтому отделение грантов и замещение ими базового бюджета институтов будет иметь катастрофические последствия для развития науки в стране. Гранты можно сравнить с протуберанцами на Солнце, которые хорошо видны и далеко вылетают из его поверхностного слоя. Уберите этот слой (базовый бюджет и базовые институты) — исчезнут и протуберанцы»* (анкета № 425) и др.

Анализ комментариев к оценкам грантов, пояснений и замечаний к вопросам анкеты, оставленных многими респондентами, показывает, что **отношение научного сообщества к сложившейся в России системе исследовательских грантов весьма неоднозначно**. Многие ученые указывают на наличие проблем и недостатков данной системы, которые действуют негативно и препятствуют более эффективному использованию грантовых средств для развития науки.

В настоящий момент очевидным является стремление государства переориентировать науку на более широкое присутствие конкурсных механизмов, в первую

очередь при распределении финансирования: доля бюджетных средств на исследование и разработки, распределяемых в форме грантов, постоянно увеличивается. В отдельных фондах (например, РФФИ) обсуждаются планы повышения объемов финансирования исследовательских проектов, в том числе за счет уменьшения числа грантов. При этом, как показал опрос, гранты не являются сегодня «опциональным» источником денежных средств — для многих ученых и научных коллективов это единственная возможность заниматься наукой, закупать необходимые материалы, привлекать к работе молодых исследователей, публиковать статьи, принимать участие в академических мероприятиях. Гранты во многом выполняют функции базового финансирования, хотя и принимают принципиально иную форму. Ввиду этого сокращение доступа к грантам в условиях сохранения достигнутого уровня базового финансирования или его уменьшения будет иметь, на наш взгляд, исключительно негативные последствия.

Важно также четко осознавать ключевые принципы, на которых основана идеология грантового финансирования: формирование тематики и определение приоритетов и направлений исследования «снизу», свобода творчества ученых. Гранты призваны поддерживать исследования, результат которых пока не определен, экспериментальные проекты, не финансируемые в рамках базового бюджета. При этом в настоящий момент грантовой системой *«поддерживаются традиционные авторитетные направления исследований. Нет инструментов для развития прорывных направлений. Нет анализа перспектив развития науки, кроме общих слов о новациях, нанотехнологиях и т.д.»* (анкета № 211).

Для преодоления ориентации на «мейнстримовую» науку, свойственную грантовой системе во всем мире, необходимо скорректировать критерии оценки заявок, а также отказаться от практики установления приоритетов исследовательских направлений и тем «в интересах государства». Сложившаяся традиция определения актуальности исследований в связи с приоритетными направлениями развития науки и техники в России дискредитирует автономию научного сообщества, которая является необходимым условием его функционирования и развития. Подобные замечания встречаются в анкетах многих исследователей, принявших участие в опросе: *«Задачи, которые ставятся “сверху”, не позволяют ученому реализовать максимум познавательных возможностей его научной деятельности, так как это возможно только при условии реализации интересов ученого»* (анкета № 197), *«[Гранты] могут способствовать достижению новых значимых научных результатов, если фонды научатся “рисковать” и финансировать “интересное, но непонятное”. А работа на устоявшихся направлениях должна финансироваться в плановом рутинном порядке»* (анкета № 75).

На основании анализа результатов опроса, благодаря вкладу активных респондентов, интерес которых к обсуждению грантовой системы оказался значительно выше ожидаемого, можно сформулировать ряд предложений и рекомендаций по реформированию и совершенствованию деятельности ключевых научных фондов в России, по функционированию системы исследовательских грантов в целом:

— необходимы меры, которые повысили бы доверие научного сообщества к процессу принятия решения в научных фондах (например, расширение экспертного пула, более обоснованный подход к распределению грантовых заявок между рецензентами);

— необходим доступ к рецензиям для руководителей проектов; его отсутствие формирует у ученых представление о несправедливости и необъективности

распределения денежных средств, а его наличие позволило бы устранить в будущем ошибки и недочеты;

— увеличение размера грантов и сроков их выполнения, но не за счет сокращения их количества;

— упрощение промежуточных отчетов по грантам, процедур, связанных с расходованием средств и подготовкой финансового отчета;

— минимизация формализма при разработке требований к составу коллектива, заставляющих фиктивно включить в список исполнителей студентов и аспирантов.

На основе вышеизложенного материала можно сделать некоторые выводы.

Современный этап развития мировой науки характеризуется увеличением значения исследовательских грантов, их влияния на жизнь и работу ученых. Российская наука, где грантовая система сформировалась относительно недавно, в полной мере вовлечена в эти глобальные процессы: участие в конкурсах научных фондов и выполнение исследований по гранту постепенно превращаются в необходимый атрибут научной деятельности. Внимание, которое уделяется грантовой активности самими учеными, руководителями научных организаций, обусловлено не только ценностью гранта как источника дополнительного финансирования исследований, но и той символической ролью, которую он играет в научном сообществе. Исследовательские гранты могут (и должны) рассматриваться как один из «актов признания». Ключевым элементом процесса распределения грантов является рецензирование, в ходе которого эксперты, наделенные легитимным правом представлять научное сообщество, отбирают исследования, отвечающие высоким требованиям научности, новизны, актуальности.

Экономически детерминированная установка на высокую грантовую активность сочетается в российском научном сообществе со значительной степенью недоверия к отдельным аспектам деятельности крупнейших научных фондов в стране и недовольством организацией их работы. Так, многих ученых не устраивают критерии оценки грантовых заявок, объективность работы экспертов, порядок распределения грантов.

На наш взгляд, создание и функционирование грантовой системы финансирования науки в России страдает теми же «детскими болезнями роста», что и ее «рыночная экономика», то есть некритическим копированием зарубежного опыта стимулирования научных исследований с помощью грантов.

В США, в странах Западной Европы гранты являются дополнительной формой стимулирования научного творчества, а в России гранты выполняют функции, которые традиционно возлагались на систему базового государственного финансирования, они заполняют «пробелы», которые систематически остаются после распределения скудного бюджетного финансирования научных организаций (Лазар, Стрельцова, 2015). Следовательно, гранты могут выполнить свое предназначение только при реальном увеличении базового финансирования науки, ибо рывки в науке возможны только при наличии определенной «критической массы» научных организаций, коллективов ученых, выполняющих параллельные исследования по разным проблемам и направлениям науки.

Литература

DFG, Funding Atlas 2012, Key Indicators for Publicly Funded Research in Germany, Weinheim: WILEY–VCH Verlag GmbH & Co., 2013.

DFG. Guidelines for the written review. Bonn: DFG, 2014.

Индикаторы науки: 2014. Статистический сборник. М.: 2014 [Indikatoriy nauki: 2014. Statisticheskiy sbornik. M.: 2014]. *Лазар М. Г., Стрельцова Е. А.* (2015). Грантовые системы финансирования науки в США, Европе и России: сравнительный анализ их структур и функционирования // Ученые записки РГГМУ. № 39 [*Lazar M. G., Strel'tsova Ye. A.* (2015). Grantovyye sistemy finansirovaniya nauki v SSHA, Yevrope i Rossii: sravnitel'nyu analiz ikh struktur i funktsionirovaniya // Uchenyye zapiski RGGMU. № 39]. Отчет «Деятельность Российского гуманитарного научного фонда в 2013 году». URL: <http://www.rth.ru/downloads/2014/report2013.pdf> (дата обращения: 01.03.2014) [Otchet «Deyatel'nost' Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda v 2013 godu» URL: <http://www.rth.ru/downloads/2014/report2013.pdf> (data obrashcheniya: 01.03.2014)].

Семенов Е. В. (2007). Гранты в российской науке: опыт российского гуманитарного научного фонда // Наука. Инновации. Образование. Вып. 3. С. 227–252 [*Semenov Ye. V.* (2007). Granty v rossiyskoy nauke: opyt rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda // Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye. Vyp. 3. S. 227–252].

О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 291-ФЗ от 2 ноября 2013 г. [O Rossiyskom nauchnom fonde i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossiyskoy Federatsii Federal'nyu zakon ot 2 noyabrya 2013 g. № 291-FZ].

Grant Funding System of Russian Science: the Results of a Public Opinion Poll

MIHAY G. LAZAR

Professor,
Russian State Hydrometeorological University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: mihai_lazar@mail.ru

EKATERINA A. STRELTZOVA

Junior Researcher,
Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge,
National Research University — Higher School of Economics,
Moscow, Russia;
e-mail: kstreltsova@hse.ru

The article describes the features of a grant of funding for science in Russia, the structure and functioning of the state grant funds — RFBR, RHF, RNF. On the basis of E. A. Streltsova held in April 2014 Internet survey of scientists, investigated the role of grants in the life and career of Russian scientists, their relation to grants, the motivation for their participation in grant competitions. A number of proposals to improve the system of grant funds for science.

Keywords: grant, grant system, expertise, RFBR, RHF, RSF, especially Russian funds, questioning the motivation of the grant activity.